СКАЗКА

о

СТРОЕВОЙ ДОЧЕРИ

и

о коровушкѣ бурёнушкѣ.

Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; кто караетъ, тотъ и милуетъ; изъ тучи дождь, а за тучей изготовлено, припасено и насторожено красное солнышко; туча дождемъ разсыпалась, солнце проглянуло и обсушило.

Жилъ былъ, во странѣ привольной, во землѣ крещеной, бобыль, прозывавшійся, по промыслу своему, *Строемъ*, и былъ онъ великъ человѣкъ на малыя дѣла и зодчій именитый на клѣти, на хлѣвы, а подъ часъ умѣлъ срубить и мужицкіе хоромы, которыхъ самъ избою никогда не называлъ. Жена его Аграфена была хозяйка добрая, баба рабочая, и старикъ Строй любилъ ее и берегъ, какъ глазъ свой, покуда она была жива, а какъ только умерла, такъ онъ

схоронилъ ее на погостѣ мірскомъ, потужилъ, помянулъ ее кутьею, блинами да киселемъ съ сытою, помянулъ ее въ третины, въ девятины, въ полусорочины, въ сорочины, т. е. въ 3–й день, въ 9–й, въ 21–й и въ сороковой, да не дождавшись ни полугодовщины, ни годовщины, оженился снова, взялъ за себя вдову Горбылевну. Отъ первой жены была у него дочь, нынѣ шестнадцати годовъ, которая была названа во Св. крещеніи Пелагеею, по имени Св. Пелагеи, которую празднуютъ весною, Мая 4–го, то есть, чрезъ седмицу со дня рожденія дочери Строя; а вторая жена его Горбылевна привела ему съ собою трехъ дочерей: *Шалаву*, объ одномъ глазѣ; *Гуляву*, о двухъ, и *Потачку*, о трехъ глазахъ. Сводныя сестры съ перваго дня не могли поладить; втроемъ стали нападать на одну, на бѣдную сиротку Палашу, а сама мачиха, какъ только ногу черезъ порогъ въ избу новаго сожителя своего перенесла, стала обижать падчерицу свою — и бѣдной дѣвченочкѣ житья въ домѣ не было. Камень передъ жаромъ треснетъ, а воскъ

растопится; пасынокъ не перенесъ бы того, что бѣдная падчерица переносила: онъ бы и самъ козырнулъ подъ часъ, отцу поклонъ, мачихѣ другой, да и пошелъ бы промышлять; бѣлый свѣтъ для добраго молодца не клиномъ сошелся; а дѣвичье дѣло парню рознь; будетъ жить да тужить, покуда развѣ не изойдетъ слезою!...

Пелагея сперва исправляла въ домѣ всякую черновую работу; но когда мачиха увидѣла, что, не смотря ни на какое униженіе, всѣ ее предпочитали тремъ дочерямъ ея, тогда задумала удалить ее изъ дому, чтобы добрымъ людямъ да молодымъ женихамъ никогда на глаза не попадалась. Она заставляла ее каждое утро выгонять въ поле небольшое отцовское стадо коровъ, которымъ обзавелась, ставъ промышлять сыромъ да масломъ. Палаша, несытая, неодѣтая, необутая, пасла стадо и выгоняла въ томъ числѣ и свою любимую коровушку бурё нушку, которая осталась послѣ смерти матери ея еще телкомъ, и была вскормлена соскою изъ рукъ Палаши. Мачиха задавала ей сверхъ этого еще на день выпрядать

тяжелые уроки, кормить ничѣмъ не кормила, кромѣ плесневатыхъ корокъ да побоевъ, безъ которыхъ не проходило ни одного вечера, обносила и оговаривала ее предъ всѣми, не исключая и роднаго отца, и бѣдной сироткѣ ласковаго слова не удавалось слышать, кромѣ развѣ, коли кто ненарокомъ его выронитъ! Строева дочь питалась только молочкомъ отъ родимой коровы своей.

Шалава одноглазая была худа и костлява, какъ тарань–рыба; *Гулява* двуглазая пойдетъ — словно корова въ юбкѣ, сядетъ — словно моржъ матерой; а *Потачка* трехглазая удалась въ мать свою Горбылевну: по горбу на лопаткѣ, а ноги короче утиныхъ. И такъ не мудрено, что у нихъ жениховъ не было; всѣ парни не переставали хвалить сиротки нашей, поговаривая о трехъ дочеряхъ Горбылевны, которыми тѣшилась одна только мать: хороша дочь Аннушка, коли хвалятъ ее мать да бабушка! А Палашѣ бѣдной пуще за это и доставалось, и житья въ отцовскомъ домѣ не было.

Въ одинъ день сиротка наша сидѣла на муравкѣ и горько плакала, ибо никакъ не могла выпрясть урока, какъ вдругъ бурёнушка подошла къ ней тихохонько, полизала у ней руку, тихо промычала и спросила человѣчьимъ голосомъ: «О чемъ, милая моя, плачешь?» — «А какъ мнѣ не плакать, отвѣчала Палаша, лаская свою коровушку, когда я лишилась родимой матушки, а мачиха меня гонитъ съ бѣла свѣта, кормитъ корками гнилыми подъ плѣсенью, задаетъ уроки непосильные, и бьетъ немилосердо, если ихъ не выпряду?» — «Не плачь, сказала коровушка, и не грусти, отеческая дочь, я тебя буду поить и кормить, я на тебя буду службу служить.» Съ тѣхъ поръ, бывало, какъ только сиротка Палаша коровъ въ поле выгонитъ, коровушка бурёнушка ей лѣвое ухо подставитъ, а та въ одно ушко къ ней влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ, напьется и наѣстся, умоется и пріодѣнется, а потомъ приляжетъ къ ней головкою, до сыта отдохнетъ и выспится; а бурёнушка, тѣмъ часомъ, окомъ материнскимъ на нее

поглядываетъ, сама мычки мычетъ да прядетъ, и выпрядала день деньской уроки Палашины. Таковое досужество коровушки бурё нушки избавляло сиротку отъ побоевъ; все у Палаши дѣлалось и скоро и споро, и придраться даже Горбылевнѣ и дочерямъ ея Шалавѣ, Гулявѣ и Потачкѣ было не къ чему. Это стало имъ крайне досадно; а кто захочетъ собаку ударить, тотъ найдетъ и палку. Горбылевна стала доискиваться, кто на падчерицу ея пряжу прядетъ и уроки за семерыхъ выработываетъ? И догадываясь наконецъ, что кто нибудь приходитъ къ ней въ поле, разгласила о дурномъ поведенiи и тайныхъ связяхъ падчерицы своей съ нечистымъ духомъ, который будто бы навѣщаетъ ее въ полѣ подъ ельничкомъ, во образѣ огненнаго змiя, и стала посылать дочерей своихъ поочередно съ нею въ поле, чтобы они за нею присматривали, а сама продолжала задавать уроки больше прежняго. Первая пошла съ нею *Шалава.* «Сядемъ, сестрица, сказала ей Палаша: здѣсь, видишь, пырей, здѣсь буркунецъ, его коровушки мои любятъ и будутъ гулять, не

бось, не разбредутся, а я тебѣ скажу на досугѣ сказочку, да спою пѣсенку.» Онѣ сѣли, а Палаша стала ей сказывать сказочку затѣйливую: какъ Мурза изъ подъ Ногая набѣгалъ на станицы казацкія, полонилъ казака молодаго, казака роду горскаго Осетинскаго; станомъ и складомъ былъ онъ трехгодовалая тополь, а лице и стати у него атаманскія; какъ плакали по немъ двѣ дѣвицы: одна сестра родная по немъ плакала, сама собиралась къ родимой матери; другая, сирота безпріютная, плакала, рукавомъ бѣлымъ слезы отирала, за милымъ дружкомъ своимъ въ неволю, на выкупъ, итти собиралась, а сама плачучи приговаривала:

Горе горькая моя руса коса!
А вечоръ тебя матушка расчесывала,
Расчесывала матушка, заплетала ее —
Я сама дѣвица знаю, вѣдаю,
Расплетать будетъ мою русу косу
Тремъ Татарамъ, Ногайскимъ наѣздникамъ……

Шалава **сказочки заслушалась, прилегла головою на колѣни Палашины, а за пѣсенкою прищурила одинъ глазъ свой и задремала. Палаша, дочь отцовская, позвала коровушку, въ одно ушко влѣзла, въ другое вылѣзла, наѣлась, напилась, а тамъ, стоя, головкой къ ней прислонилась, отдохнула; а бурё нушка мычки перемыкала, пряжу выпряла, сама глазомъ материнскимъ на нее поглядывала. Когда онѣ со стадомъ въ сумерки возвратились домой, тогда Горбылевна, принявъ готовую пряжу отъ Палаши, ни о чемъ не могла отъ** ***Шалавы*** **довѣдаться; она увѣряла, что Палаша пряла сама.**

На другой день пошла съ Палашею ***Гулява*****, о двухъ глазахъ, и съ нею было то же. Палаша разсказала ей сказочку про Игошу безрукаго, безногаго, который родился у мужика уродомъ, умеръ не крещеный, да и ходитъ нынѣ проказить по сосѣдству; ему за обѣдомъ ложка залишняя кладется, ему хлѣба коврыга на особицу, ему пирога ломоть; а исправляетъ онъ за это должность, за урядъ домоваго: онъ**

лошадей бережетъ и катается на нихъ по ночамъ; иной разъ упаритъ такъ, что въ мылѣ хоть выжми; и колтунъ имъ заплетаетъ; онъ избу отъ худобы, отъ изьяну уберегаетъ. *Гулява* заслушалась, голову на колѣни Палашѣ положила, заснула, а та подозвала коровушку, напилась, наѣлась, отдохнула и пряжу перепряла. Дѣвки домой приходятъ, пастухъ по дорогѣ стадо деревенское гонитъ, на рожкѣ пѣсни яснымъ голосомъ играетъ выговариваетъ, и дѣвушки стадо перенять изъ села на встрѣчу выходятъ, мальчишки на сопѣлкахъ ивовыхъ играютъ, бичами похлопываютъ — Горбылевна *Гуляву* въ допросъ: *Гулява* ни о чемъ не знаетъ, не вѣдаетъ; божится, клянется, что Палаша сама мычки перемыкала, сама перепряла.

Горбылевна на третій день послала съ Палашею *Потачку* трехглазую. Палаша ее посадила, сказочку сказала и пѣсенку спѣла; *Потачка* заснула, два глаза защурила, а третьимъ все видѣла; видѣла, какъ Палаша съ коровушкой бурё нушкой

вѣдалась, какъ ей въ ушко влѣзла, въ другое вылѣзла, напилась, наѣлась, отдыхать къ ней прислонилась, а коровушка мычки перемыкала и пряжу перепряла, и все это, воротившись, матери своей Строихѣ пересказала. Строиха–Горбылевна крайне разгнѣвалась на падчерицу свою: побила ее, заперла въ заклѣти, а сама пошла къ мужу своему, къ отцу Палаши, и уломала старика Строя зарѣзать коровушку бурё нушку.

Жена у Русскаго мужика правая рука; возметъ, не мытьемъ, такъ катаньемъ; не шильцемъ, такъ мыльцемъ; ты говори свое, она, знай, свое; ты кончилъ, думаешь справился, а она затягиваетъ ту же пѣсню, которой починала; глядишь — мужикъ махнулъ рукой, плюнулъ и сдѣлалъ по ее! — Палаша, узнавъ объ этомъ, горько плакала, съ коровушкою своею прощалась, когда вдругъ подошла къ заклѣти сама коровушка бурё нушка и сказала: «Не плачь, Палаша дочь отеческая, не кручинься; когда меня убьютъ, то выпроси для себя копытца мои, рожки и

требушинку, и предай это все землѣ, на улицѣ, въ палисадничкѣ, противу окошечка своего.» Въ этомъ послѣднемъ утѣшенiи отецъ Строй не отказалъ дочери своей; отдалъ ей на долю рожки, ножки и требушинку; она же, поплакавъ еще разокъ, зарыла все это на улицѣ противу окна и прикрыла зеленымъ дерномъ.

На зарѣ слѣдующаго дня, когда пастухъ, проходя по селу, затянулъ на рожкѣ пѣсенку плясовую: *во зеленыихъ лузяхъ*, а дочери Строихи–Горбылевны вышли съ подойниками подоить коровъ своихъ, онѣ съ большимъ удивленiемъ увидѣли на томъ мѣстѣ, гдѣ Палаша наканунѣ схоронила въ землю остатки коровушки своей, яблоньку съ листьями серебреными и яблоками золотыми. — Онѣ явленiю этому весьма удивились; пошли и сказали о томъ матери своей Строихѣ, которая, поглядѣвъ на яблоньку, не менѣе чуду тому удивлялась и пошла разсказать мужу своему Строю; и Строй, вышедши въ палисадникъ, яблонькѣ золотой удивлялся; а какъ къ нему подошли и жена и

падчерицы, то они начали дивиться чуду тому всѣ вмѣстѣ. Между тѣмъ, какъ они стояли въ палисадникѣ и Строиха Горбылевна съ мужемъ своимъ уговаривалась, какъ защитить и сохранить отъ воровства такую драгоцѣнность, и послать Королю земли той въ подарокъ нѣсколько золотыхъ яблочекъ, а остальными надѣлить, вмѣсто приданаго, *Шалаву*, *Гуляву* и *Потачку,* вдругъ на улицѣ показалась толпа, шапки полетѣли подъ самыя кровли, и молодой Король, отправлявшійся на какое–то потѣшное зрѣлище, явился среди народа. Онъ увидѣлъ очарованную яблоньку, остановился — вспыхнулъ лицемъ и грудью, и узналъ въ ней вѣщимъ сномъ ему обѣтованное знаменіе. «Здѣсь, подъ этою стрѣхою, обитаетъ другъ мой, молвилъ онъ; ему принадлежитъ серебряная яблонька съ золотыми плодами; если это мужчина, то онъ наперсникъ мой, онъ товарищъ правленія и первый въ землѣ моей вельможа; если женщина — то это подруга моя и народу моему законная

повелительница. Пусть же истинный хозяинъ или хозяйка сокровища сего поднесетъ мнѣ изъ рукъ своихъ золотыхъ плодовъ!»

Горбылевна торопилась нарядить и убрать меньшую дочь свою, одноглазую *Шалаву*, дала ей блюдо и приказала нарвать и поднести Королю яблоковъ. Но лишь только сія подошла къ дереву, какъ оно начало хлестать ее прутьями по ушамъ, и она зарыдавъ отскочила и сбросила съ себя всѣ богатые наряды. *Гулява* двухглазая испытала ту же участь; а *Потачка* лишилась даже третьяго глаза своего, который выстегнула ей яблонька, сказавъ: «худое дерево и съ корнемъ вонъ; онъ у тебя лишній, когда въ соглядатаи пошелъ; по Русскому обычаю доносчику первый кнутъ.» Тогда наконецъ уже отецъ Строй, видя нетерпѣніе Короля, послалъ дочь свою Палашу, которая, въ худенькомъ кумачномъ сарафанѣ, босикомъ, безъ серё жекъ, безъ бисеру и безъ ленточекъ, но опрятно причесанная, съ косою поикра поклонилась Королю, подошла къ

яблонькѣ, сорвала три золотыхъ яблока, подошла къ Королю, снова поклонилась и подала ему оныя привѣтливо прямо изъ рукъ своихъ, примолвивъ: «Жить и княжить тебѣ Великому Королю, Королевѣ Супругѣ твоей и Наслѣднику твоему, трижды тридевять трехлѣтій; намъ тебя любить и слушать, какъ я отца своего люблю и слушаю; тебѣ насъ миловать и жаловать, какъ меня бурё нушка моя миловала и жаловала!»

Король спросилъ Палашу, дочь отеческую, кто таковъ отецъ ея, и кто коровушка бурё нушка? и выслушавъ благосклонно и внимательно все, что она ему разсказывала, надѣлъ ей на руку колечко драгоцѣнное, поцѣловалъ въ чело высокое и назвалъ *Царскою невѣстою*. Отправясь немедленно во дворецъ, прислалъ онъ Строевой дочери богатый сарафанъ: взглянешь правымъ глазомъ, яхонты по полю бирюзовому радугами переливчатыми, словно перья павлиныя, играютъ; — взглянешь лѣвымъ глазомъ, словно багряница утренняя сквозь лазорь

небесную сквозитъ, звѣздочки мерцающія проглядываютъ. Сарафанъ этотъ приняла Строиха Горбылевна, надѣла на среднюю дочь свою *Гуляву* и послала за порогъ встрѣчать Короля, ѣхавшаго съ придворнымъ причетомъ своимъ въ домъ старика Строя, на помолвку съ дочерью его. Король, коего зрѣніе было отуманено навожденіемъ, принялъ было *Гуляву* за Палашу, дочь отеческую; но вдругъ любимецъ Палашинъ, пѣтушокъ золотой гребешокъ маслена головка, разбѣжавшись закричалъ: *Кудъ –кудъ –кудъ –куда?* Взлетѣлъ на кровлю избы Строя, захлопалъ крыльями и пропѣлъ: *Тута–нѣту!* Король съ изумленіемъ остановился; пѣтушокъ золотой гребешокъ полетѣлъ на заклѣть, и закричалъ, какъ будто скликая курицъ: *Тутъ, тутъ, тутъ, тутъ.* — Король взошелъ въ заклѣть, велѣлъ поднять опрокинутый большой обрѣзъ, и нашелъ подъ онымъ бѣдненькую Палашу, дочь отеческую. Онъ взялъ ее на руки, посадилъ на колесницу свою, сѣлъ самъ и поскакалъ — а когда, отъѣзжая, оглянулся,

то увидѣлъ, что изъ цѣлаго семейства бобыля Строя вышли оборотни: самъ старикъ оборотился въ смиреннаго вола, съ ярмомъ на шеѣ, который стоялъ и жевалъ жвачку. Строиха Горбылевна прыснула сѣрой кошкой по кровлямъ и по заборамъ; три дочери ея, *Шалава*, *Гулява* и *Потачка*, стояли, три индѣйки, въ воротахъ дома своего, глядѣли вслѣдъ за колесницею, за Палашею, и протянувъ шеи, кричали безъ толку во все индюшечье горло.

Яблонька пошла слѣдомъ за Палашею, стояла во время вѣнчанія ея съ Королемъ на паперти церковной; а когда ее окропили Священною водою, то она пошла опять слѣдомъ за новою Королевою и долго украшала сады Королевскіе: водились на ней птицы райскія, пѣли пѣсни Царскія, Короля съ Королевою утѣшали, насъ съ тобою забавляли.

В. ДАЛЬ